

анна МАЛЫШЕВА

Лицо в тени

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М20

Любое использование материалов данной книги,
полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

Художественное оформление — *Екатерина Ферез*

Малышева, Анна Витальевна.

М20 Лицо в тени : [роман] / Анна Малышева. — Москва : Издательство АСТ, 2021. — 448 с. — Задержи дыхание. Проза Анны Малышевой (м).

ISBN 978-5-17-135714-6

Алина мечтает посвятить свою жизнь дизайну одежды и открыть модное ателье. Но, как говорится, человек предполагает, а Бог располагает, и жизнь преподносит девушке неожиданный сюрприз. На ее сестру совершено покушение, а вскоре она и вовсе исчезает. И теперь Алине предстоит распутать таинственный клубок, в котором сплелись сложные семейные отношения, интриги, загадочные убийства...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-135714-6

© Малышева А.
© ООО «Издательство АСТ», 2021

Глава 1

Калитка, против обыкновения, оказалась запертой изнутри на крючок. Правда, откинуть его ничего не стоило — нужно было только просунуть пальцы между редкими прутьями решетки. Алина так и сделала, не переставая про себя удивляться — с какой стати заперли калитку? И смысла в этом никакого, да и не делалось так никогда. Но может, она приехала некстати и никого нет дома?

Она пошла к веранде по хрустящей гравиевой дорожке, отмечая в саду детали, которые говорили, что дома все же кто-то есть. Между старыми яблонями была натянута веревка, на ней висело белье, с которого вовсю капала вода. Под яблоней — тазик с прищепками. На крыльце — полупустая бутылка пива, сквозь стекла веранды виднеется зажженная лампочка. Алина поднялась на крыльцо, толкнула дверь... Непостижимо — тоже заперто! Она принялась стучать, и ей немедленно ответил истеричный собачий лай и скрежет когтей. Через минуту ей открыла сестра:

— А я уж думала, ты сегодня не приедешь, — заявила она, быстро отворачиваясь и возвращаясь на кухню. — Заходи, только запри дверь.

— Что случилось? — Алина осторожно ступала среди разбросанной по полу обуви. Маленький чер-

ный пудель назойливо лез ей под ноги, как всегда, не считаясь ни с чьими желаниями, кроме своих. А он желал быть взятым на руки, чего Алина терпеть не могла.

— Да ничего, только все равно запри дверь, — донеслось уже из кухни.

Девушка набросила крючок, поколебалась, дважды повернула ручку замка. «Лучше бы я не приезжала, — смутно подумала она. — День, кажется, пропал... Они опять поссорились, и теперь я до вечера буду слушать, как и из-за чего...»

Сестра возилась на кухне, у плиты. Из керамического горшка пахло тушеными грибами, в духовке что-то часто капало в огонь и аппетитно шипело. Готовился воскресный обед, в окна било августовское солнце, на открытой форточке сидел и, казалось, улыбался толстый бежевый кот, принадлежавший соседке... Все как обычно. Только вот запертая калитка, и дверь... И то, что сестра до сих пор ни разу не повернулась к ней лицом. И еще...

— А ну-ка, дай на себя посмотреть, — попросила Алина, пытаясь заглянуть ей в лицо.

Та слегка дернулась и сделала вид, будто ей что-то понадобилось в шкафчике. Алина ухватила ее за плечо и сразу все поняла — та вскрикнула от боли.

— Так. — От ярости девушка даже потеряла голос. Пришлось откашляться. — Значит, опять, да?

— Он меня пальцем не тронул, — донеслось откуда-то из недр шкафчика. Марина сидела на корточках и сосредоточенно гремела на полках посудой. И на ней по-прежнему были черные очки — это резануло гостью взгляд, как только она вошла в дом, но Алина не сразу сообразила, что это может значить. Зато поняла теперь.

Лицо в тени

Она наклонилась и бесцеремонно сорвала с сестры очки. Та моментально закрыла глаза. Алина удивилась — она ожидала увидеть синяки, но их не было.

— Я чего-то не понимаю, — уже менее агрессивно сказала она, возвращая очки сестре. Те немедленно были надеты, после чего Марина продолжала приготовление ужина. Младшая сестра уселась за стол, не переставая удивляться своей ошибке. «Я же прекрасно знаю эти очки, черт возьми! Два раза зимой, еще раз — в начале весны... Я всегда ей говорила — какой смысл ходить дома в черных очках, когда и ребенку ясно, что муж тебя избил! И я знаю, и родители, и даже соседи знают! Нет, она их надевает и думает, что все шито-крыто!»

— Он меня не трогал, — не оборачиваясь, произнесла Марина, помешивая в горшочке грибы. — Сейчас будем есть.

— Он дома?

— Что ты? — как-то даже радостно возразила сестра. — Да он уже пятый день в отъезде.

Алина ей не поверила — та вполне могла прилгнуть, выгораживая мужа. Но Марина настаивала на своем — тот отправился в очередную командировку, в соседнюю область. Там появился большой особняк с участком на продажу, требуется провести экспертизу, оценить обстановку. Особняк недостроен, возможно, сильно недостроен... Марина рассказывала все это оживленно, в подробностях не путалась, и даже предложила сестре, если та не верит, позвонить туда самой и убедиться. Алина пожала плечами:

— Так у него же сотовый телефон! Откуда я знаю, где твой Василий находится, когда я ему звоню, — в этом доме или в Тверской области!

Марина возмутилась. Если ей не верят — не надо. В конце концов, она не обязана отчитываться... Но

Алина может спросить у детей — те видели, как отец уезжал во вторник, оба были на даче. Василий заскочил сюда на машине, по дороге из Москвы...

— А где же они сами? — спросила Алина.

— Сейчас? — внезапно замялась сестра. — У мамы...

— Ясно. А ты тут одна?

Марина выключила плиту, заглянула в духовку и осторожно достала противень с курицей. Разрезала птицу, положила в тарелки рис, добавила тушеных грибов. Поставила на стол пиво, свою бутылку принесла с крыльца. Алина поняла — та хочет переменить тему. Она и сама собиралась поговорить о другом, но вот эти черные очки... И скованные движения сестры — когда та протягивала за чем-то левую руку, то морщилась — движения причиняли ей боль. День был жаркий, а на Марине была белая водолазка — с длинными рукавами и поднятым до подбородка воротником. Младшая сестра просто видеть не могла ее в таких водолазках — это значило для нее только одно — накануне супруги опять повздорили, и Василий, конечно, дал волю рукам. Но Марина тщательно прятала свои синяки и никогда на мужа не жаловалась. Если бы дети тоже молчали — никто бы ничего и не знал... И если бы не черные очки...

— И все-таки, что случилось? — Алина даже не притронулась к вилке. — Я же вижу — у тебя что-то с плечом.

— А, это я растянула.

— Ну-ка, сними очки, — потребовала Алина. — Если у тебя не подбиты глаза — зачем они?

Но Марина уткнулась в тарелку. Некоторое время она пыталась есть, молча, сосредоточенно, явно призывая сестру последовать своему примеру. Над столом

Лицо в тени

кружила оса, нагло примеряясь, какое блюдо выбрать себе на ужин. Маленький черный пудель улегся перед остывающей плитой и, шумно вздохнув, положил голову на лапы. Алина открыла пиво:

— В один прекрасный день он просто тебя убьет. Возможно, на глазах у детей.

— Ну перестань...

— Что — перестать? Кто заставил тебя уволиться с работы этой весной? Только потому, что тебе нравился твой начальник, а ему не нравился! Слишком молодой и симпатичный и почему-то тебе не хамил, да?! Хороший повод избить жену и испортить ей карьеру!

Марина молча продолжала есть. Она как будто ничего не слышала.

— А перед Новым годом? А на твой день рождения? Ты даже гостей не можешь позвать, каких хочешь! Только баб, старых, проверенных подруг! Он же у тебя больной!

— Он меня любит, — убежденно и даже гордо ответила Марина.

— А кто в этом сомневается? Только он дурак. А ты дура, что с ним живешь!

— У тебя все дураки, — не выдержала Марина. В ее голосе уже слышались слезы. — А у нас двое детей, семья... Ты же не знаешь, что это такое!

Око за око — теперь замолчала младшая сестра. Она отпила пива, взялась за вилку и тут же положила ее на место.

— Ага, пусть я старая дева, но не хожу дома в солнечных очках! Кстати, я не понимаю, зачем ты их нацепила?!

И, желая оставить за собой последнее слово, принялась за курицу. Сестра ничего не ответила. Алина уже успела наполовину опустошить тарелку — она

с утра ничего не ела и аппетит у нее был нешуточный, когда Марина вновь подала голос:

— Ну вот, я их сняла.

Она в самом деле их сняла и положила рядом со своей тарелкой. Младшая сестра мельком взглянула ей в лицо, потянулась за пивом, но вдруг осознала, что именно увидела... Ее рука замерла.

Синяков и в самом деле не было. Но то, что она видела теперь, когда сестра сидела с открытыми глазами, оказалось намного более пугающим. В первый момент Алине показалось, что у нее начинается бред. Такого просто быть не могло, глаза ее сестры, да и вообще ничьи глаза, не могли так выглядеть! Белки глаз были кроваво-красными, ужасающе яркого цвета. Серые радужки вокруг зрачков на этом чудовищном фоне казались почти бесцветными.

— Нагляделась? — отрывисто произнесла Марина и снова надела очки. Теперь Алина была даже рада этому. Такие глаза она видела только в фильмах ужасов, но считала, что такой эффект достигается с помощью компьютерной графики. Однако ей никогда не случалось отворачиваться от экрана телевизора, а вот реальность оказалась по-настоящему ужасна. Нечего было и говорить о том, что есть ей больше не хотелось. Она потянулась за пивом и опустошила бокал. Достала из сумки сигареты. Отметила, что пальцы слушаются неважно — сигарету удалось вытащить не сразу.

— Что это? Откуда? — спросила она наконец.

— А вот, отсюда. — И сестра оттянула вниз высокий ворот водолазки. Поперек ее шеи шли два отчетливых синих следа — ровных, будто татуированных. На этот раз Алина вообще ничего не смогла сказать. Воротник вернулся на место, милосердно прикрыв шею до подбородка. Марина хрипловато засмеялась:

Лицо в тени

— Еще не понимаешь? Меня пытались убить.

— Что? — выдавила младшая сестра.

— Да то. Позавчера, когда я шла со станции, уже на нашей улице...

В этом дачном поселке, расположенном в пятидесяти километрах от Москвы, фонари по вечерам не горели. То есть номинально они существовали, но местные обитатели не могли припомнить, когда они в последний раз видели их зажженными. После десяти часов жизнь на улицах замирала. Редко брехали собаки за высокими заборами, иногда по кочкам пролетал одинокий велосипедист, вдалеке слышался шум электрички. Больше — ничего. Однако Марина настолько привыкла проводить здесь все лето с детьми, что ничуть не боялась ходить по темным безлюдным улицам. Ей нравилась тихая деревенская жизнь, и она часто говорила сестре, что в Москве не в пример страшнее, а здесь попросту нечего бояться.

Она возвращалась из Москвы в пятницу вечером, сильно припозднившись. Нужно было купить в городе кое-какие продукты, заглянуть в гости к родителям, сдать в чистку костюм мужа — все равно, пока тот раскатывает по командировкам, деловой костюм ему не требуется, а ведь нужно же его когда-нибудь чистить! В результате она едва успела на одиннадцатичасовую электричку и вышла на станции без нескольких минут двенадцать. Киоски уже не работали, и Марина еще подсадовала, что не сообразила купить водки в Москве. А ведь на другой день должен был зайти сосед, чтобы доделать веранду. С ним выгоднее всего было расплачиваться именно водкой — если предлагали деньги, он запрашивал чересчур дорого, а вот водка, видно, представлялась для него не только материальной, но и духовной ценностью, и он уже не торговался.

Об этой некупленной загодя бутылке Марина и раздумывала, пока шла по улицам поселка. Идти было не близко — дом стоял на одной из окраинных улиц, дальше были только лес и речка. Она точно помнила, как и сообщила Алине, что никто ей по пути не встретился, никакие машины ни за ней, ни навстречу не ехали. Впрочем, и час был такой поздний, что половина поселка давно легла спать. Она уже свернула на свою улицу, и вот там-то, на углу, под бездействующим фонарем, все и произошло.

— Я подумала — настал конец света, — возбужденно говорила женщина, хватая сигарету. — Будто небо обрушилось, да... Это я уже сейчас понимаю, что он подскочил сзади и дал мне по голове... А тогда...

Тогда она упала на землю, совершенно не понимая, что происходит. Шею перехватило нечто, перекрывшее доступ воздуху. Опять же только теперь она поняла, что это была удавка. Но уже тогда сообразила, что сзади на нее навалился мужчина и душит ее, с явным намерением не оставлять в живых.

— Я перевернулась на спину, а он насел на меня сверху и душил, — у нее тряслась рука, и сигарета так и прыгала в пальцах.

— Ты рассмотрела его?

Нет, она его не рассмотрела. Марина даже засмеялась в ответ — как бы она смогла его увидеть, темно, хоть глаз выколи! Видела только, что это мужчина, наверное, он был пошире в плечах, чем ее муж, кажется, нестарый... Он не сказал ни слова, не издал ни звука... Женщина, успев понять одно — сейчас она умрет, сделала единственное усилие, на которое еще была способна.

— Руку он мне не вывихивал, — почти радостно сообщила она сестре. — Это я сама себе... У меня ру-

ка была подвернута под спину, и я вдруг подумала — умираю же, неужто даже перекреститься не дадут? Ну я и стала ее вытаскивать из-под себя... Дернулась, у него удавка чуть ослабла. И тут я как заору!

— О, мама... — только и смогла произнести Алина. Рассказ сестры был, безусловно, шокирующим и фантастичным, но она поверила ему — с той самой секунды, когда услышала, что та попыталась перекреститься. Это было так в духе ее старшей сестры, которая никогда не умела как следует разозлиться и ответить на насилие насилеием! Перекреститься?! Да если бы душили ее, Алину, она бы думала только о том, как бы вцепиться в лицо этому гаду! Если бы только удалось вырвать руку...

— И тут он меня бросил и убежал, — неожиданно закончила рассказ Марина.

— Как?

— Да вот... Только я его и видела... О господи, да и я не смотрела на него, просто встала на четвереньки и поползла домой... А уж когда залезла сюда! Ты не представляешь себе. — Она обвела взглядом стены кухни, обшитые новенькой желтой вагонкой. — Сижусь тут на полу и думаю — может, я уже померла и это не наша дача? Потому что, понимаешь, я думала, что смерть пришла. А потом, как сообразила, что жива, что это все настоящее... Я была такая счастливая! Наверное, никогда в жизни такой счастливой не была!

И она расплакалась, по-прежнему не снимая очков. Из-под оправы выбежала сперва одна слеза, потом другая, Марина слизнула их с подбородка.

— А дети? Дети были тут?

Дети были на даче, но они уже легли спать, не дожидаясь возвращения матери. Десятилетний Илья и семилетняя Катя даже не узнали в тот вечер, что имен-

но случилось с их матерью. Всю ночь та мучилась сомнениями — разбудить их, попросить помощи? Потому что чувствовала себя ужасно. Но потом решила не пугать детей. Зато нашла в себе силы выбраться из дома и постучать к соседке — та жила в другой половине дома, но эти половины не сообщались, и участок был огорожен забором, без внутренней калитки. Пришлось выйти на улицу, но нападение не повторилось, там не было ни души. Соседка тоже ворот никогда не запирала, и Алина, зайдя к ней, сообщила о том, что случилось, и попросила совета.

— И что баба Люба?

— Ой, лучше бы я к ней не ходила! — Марина наконец сняла очки и промокнула щеки рукавом водолазки. — Она чуть инфаркт не заработала, когда меня увидела. А я же не знала, как выгляжу, мне страшно было в зеркало посмотреть...

— Да, баба Люба, наверное, решила, что это оборотень, — вырвалось у Алины. — Сейчас как раз полнолуние!

Сестры посмотрели друг на друга и неожиданно захохотали. Причем младшая — истерично, а Марина — от всей души, хлопая в ладоши и приговаривая:

— Бедная бабка, до меня только сейчас дошло... Только сейчас... Глаза-то мои, глаза!

Но смех скоро оборвался. Алина потребовала отчитаться — обращалась ли сестра в больницу, в милицию? Да, в больницу она обратилась — в Москве, на другой день, когда отвозила детей к родителям. Дети, к слову, так ничего и не знают, да и мама тоже — даже черные очки ее не насторожили, день был солнечный. Марина быстро отделалась от детей, сказав, что колонка барахлит и мыться на даче теперь невозможно. Потом поехала в больницу.

Лицо в тени

— Мне доктор сказал, что есть опасность для жизни, — гордо сообщила она.

Алина хлопнула себя по колену:

— Так что ж ты, дура, тут сидишь?!

— Я не хочу в больницу, ненавижу больницы!

Это было правдой — полтора года назад сестра чуть не умерла от обыкновенного аппендицита, потому что неделю терпела боль, передвигаясь по квартире чуть не ползком, только чтобы не контактировать с людьми в белых халатах. Доктор во всяком случае осмотрел ей шею, прослушал сердце, потребовал сделать энцефалограмму, потому что подозревал, кроме всего прочего, сотрясение мозга. Плечо было вывихнуто, но его вправили и перевязали. Марина лелеяла слабую надежду, что глаза пройдут сами собой — ведь они-то совсем не болели, и видела она нормально. Но пугающий кровавый цвет белков никак не желал сходить.

— Короче, во вторник я все-таки лягу в больницу, — грустно сказала она.

— Так, а почему не в понедельник?

— В понедельник вернется Вася, тогда и лягу.

— Без Васи — никак?

— Ну ладно тебе... Я так хочу.

И это была точка. Алина слишком хорошо знала свою сестру, чтобы переубеждать ее и дальше. Марина могла быть кроткой, даже безответной. Но когда она говорила «хочу» или «не хочу» таким тоном — спорить было бесполезно. Причем обычно она упорствовала во вред себе.

— Ты мазохистка, — вынесла приговор младшая сестра. — Смерти ищешь? Ладно детей ты отсюда спланила, но какого черта сама сидишь на этой даче? Что у вас тут — ценные картины висят? Старинная мебель стоит? Что ты стережешь? Хочешь, чтобы этот тип за-